

1, 1, 2, 3, 5, 8, 21

ПРЕДЕЛ ТЕКУЧЕСТИ

JAK_MARRITEN

Jak Marriten

Предел текучести

«Автор»

2026

Marriten J.

Предел текучести / J. Marriten — «Автор», 2026

Георгий Андреев когда-то был подающим надежды математиком, но жизнь распорядилась иначе. Теперь он — незаметный уборщик в огромном дата-центре, спит в тепловой ловушке между серверными стойками и считает дни до увольнения. В день, когда начальник смены выгоняет его, Георгий случайно находит чёрную флешку с гравировкой в виде модифицированного ряда Фибоначчи. На носителе — не просто данные, а интерфейс к реальности. Программа умеет вычислять и, главное, изменять вероятности любых событий. Плата — воспоминания. Чем ценнее событие, которое нужно изменить, тем дороже память, которую придётся отдать.

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Сон о твёрдом теле	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Предел текучести

Глава 1 Сон о твёрдом теле

Ему снилась формула. Она не имела вида, потому что во сне всё теряет очертания — числа плыли, как рыба чешуя в мутной воде, а знаки равенства изгибались, превращаясь в вопросы. Но Георгий знал, что это формула. Та самая, которую он защищал на кафедре прикладной математики двенадцать лет назад. Или тринадцать? Он сбился со счёта лет, потому что после смерти научного руководителя время для него перестало быть линейным. Оно превратилось в замкнутую петлю, в которой он каждый день просыпался в одном и том же гулке пространстве, пахнущем озоном и старым железом.

Во сне мать сидела на краю его кровати. Её лицо было размытым, как фотография, которую долго держали в воде, но голос звучал отчётливо: «Ты же помнишь, сынок, твёрдое тело нельзя сжать до нуля. В нём всегда остаётся пустота между атомами. Это и есть твой предел». Он хотел спросить, что она имеет в виду, но проснулся от вибрации — где-то внизу, через три этажа бетона, проехала погрузочная машина, и пол задрожал так, что пластиковая бутылка с водой упала с ящика, который служил ему тумбочкой.

Он открыл глаза. Над головой — натянутая между стойками серверного оборудования сетка-рабица, на которой висели его вещи: две футболки, одни джинсы, полиэтиленовый пакет с зубной щёткой и пачкой соды. Всё остальное было лишним. Он жил в техническом кармане, который инженеры называли «тепловой ловушкой» — здесь температура никогда не опускалась ниже сорока градусов по Цельсию, потому что рядом проходила труба обратного охлаждения. Воздух был сухим, как в сауне, и пах нагретой электроникой — сладковато-горьким запахом, к которому он привык за год и перестал замечать. Теперь этот запах был для него синонимом безопасности: пока он есть, значит, он всё ещё здесь, его не выгнали, он существует.

Георгий сел, потирая затёкшую шею. Правая рука онемела — он спал на ней, подложив под голову вместо подушки свёрнутый брезентовый плащ. Он посмотрел на часы — дешёвый китайский циферблат на резиновом ремешке, который он нашёл в мусорном контейнере месяц назад. Четыре утра. До конца его смены оставалось два часа, но он знал, что не сможет уснуть обратно — сон ушёл, вытесненный тревогой, которая жила в нём постоянно, как фоновый шум. Он прислушался к своим ощущениям: голод, тупая боль в пояснице, сухость во рту. Всё как обычно.

Он вылез из своего убежища через щель между двумя стойками, которые не были закреплены болтами — он сам сдвинул их месяц назад, чтобы получить выход, о котором никто не знал. Люк в полу вёл в кабельный канал, где можно было незаметно пройти к уборной. Он пользовался этим маршрутом каждое утро, чтобы не пересекаться с охранниками — они менялись в пять, и в этот промежуток было легче проскользнуть.

Сегодня он чувствовал что-то неладное. Воздух был слишком неподвижным, даже для дата-центра. Гул серверов казался ниже, будто кто-то прикрутил частоту. Георгий остановился на минуту, прижался ухом к холодной металлической стенке одной из стоек. Он умел слушать машины — за год он научился различать здоровый шум от предсмертного. Сейчас всё звучало нормально, но его внутренний термометр подсказывал, что скоро произойдёт что-то из ряда вон. Интуиция? Или просто голодный бред?

Он прошёл в служебную уборную, которая находилась в тупике за главным распределительным щитом. Там было темно, но он знал расположение каждой плитки на полу. Включил свет — люминесцентная лампа зажужжала и замигала, как всегда. Он посмотрел на себя в зеркало, которое висело над раковиной. Оттуда на него смотрело лицо человека, которому никто не сказал бы тридцать два. Глубокие складки у рта, покрасневшие глаза, седина на висках, хотя

волосы он коротко стриг сам, машинкой, найденной в том же контейнере. Отражение выглядело усталым до такой степени, что казалось, будто оно прожило две жизни и сейчас просто наблюдает за ним со стороны.

Он умылся холодной водой, почистил зубы содой — вкус был отвратительным, но другого не было. Затем натянул рабочий комбинезон, который выдавали уборщикам — синий, с пятнами мастики на коленях, и вышел в главный зал.

Зал номер три. Шестьдесят четыре стойки, каждая высотой в два человеческих роста, расположенные в шахматном порядке. Между ними — пол, выложенный антистатической плиткой серого цвета. Георгий знал каждую царапину на этом полу. Он знал, что третья плитка от входа слегка шатается, а на седьмой есть трещина, похожая на карту Южной Америки. Он взял швабру и ведро — пластиковое, с выщербленным краем, — и начал свой обычный обход. Протирать полы здесь нужно было дважды за смену: сначала влажной тряпкой с нейтральным моющим средством, потом сухой, чтобы не оставалось разводов. Это было бессмысленно, потому что через час здесь же появятся техники в грязных ботинках, но регламент требовал чистоты в каждый момент времени.

Георгий работал автоматически, считая шаги. Между пятой и шестой стойкой — ровно сорок семь шагов. Он проверил это в первый день работы и с тех пор никогда не ошибался. Сорок семь — простое число. Ему нравились простые числа, они создавали иллюзию порядка в мире, где всё остальное было хаосом.

Он проходил мимо стойки номер тринадцать, когда заметил Старого Фёдора. Тот сидел на корточках у вентиляционной решётки и курил, спрятав сигарету в кулак, чтобы дым не поднимался к датчикам дыма. Фёдор был единственным человеком в этом здании, к которому Георгий испытывал нечто похожее на симпатию. Старый узбек с морщинистым лицом, работающий здесь двадцать лет — он убирал этот центр ещё до того, как поставили первые стойки. Фёдор знал каждый кирпич в фундаменте, каждую историю, каждую смерть (да, здесь умирали люди — сердечные приступы, несчастные случаи с электричеством). Он был живым архивом.

— Георгий, — прошептал Фёдор, когда уборщик поравнялся с ним. — Иди сюда. Быстро.

Георгий подошёл, присел рядом. Старик пах табаком и потом — привычным запахом, который не раздражал.

— Слышал? — Фёдор кивнул в сторону главного входа, откуда доносились голоса. — Саньч сегодня злой. Ему из Москвы звонили. Какой-то аудит, проверка расходов. Он ищет, кого уволить, чтобы показать экономию.

Георгий пожал плечами. Это было не новостью. Саньч увольнял кого-то раз в квартал, и каждый раз находил формальный повод — не тот сорт тряпок, превышение нормы моющего средства, слишком громкий звук шагов. Но сегодня в голосе Фёдора была тревога, которой Георгий не слышал раньше.

— Дело не в тебе, — продолжил Фёдор, выдыхая струйку дыма в решётку. — Дело в том, что он нашёл что-то на серверах. Говорят, какой-то пакет данных, который кто-то спрятал. Он ищет вора. А кто здесь самый незаметный? Мы с тобой. Нас первых и повесят, если что.

Георгий молчал. Он не имел доступа к серверам — его ключ-карта открывала только уборные и подсобки. Но он знал, что в дата-центре постоянно циркулируют слухи о «чёрных флешках» — тайных носителях, которые якобы выносят сотрудники, чтобы продать конфиденциальную информацию. Фёдор однажды рассказывал ему историю о парне, который три года назад нашёл такую флешку в мусорном ведре и попытался её продать. Через неделю его нашли в лифте с перерезанным горлом. Официальная причина — самоубийство, но Фёдор утверждал, что это были «свои».

— Не бери в голову, — сказал Георгий, хотя внутри всё сжалось. — Я ничего не брал, мне нечего бояться.

— Ты думаешь, что бояться нужно только тех, кто брал? — усмехнулся Фёдор, затушил сигарету о подошву ботинка и спрятал окурки в карман. — Здесь, сынок, бояться нужно всех. Саныч уволит тебя за то, что ты дышишь не в том ритме. Он уже говорил об этом с охраной. Я слышал.

Георгий почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он знал, что рано или поздно это случится, но услышать подтверждение от Фёдора было как удар. Он ничего не сказал, только кивнул и продолжил мыть пол.

Но в голове уже закрутилась мысль: «А что, если уйти первым? Собрать вещи и исчезнуть, пока не выгнали?» Однако он понимал, что уйти некуда. Нет денег, нет документов (они сгорели в квартире, которую он снимал три года назад, и восстановить он так и не смог), нет связей. Он был привязан к этому зданию как паразит к хозяину. И когда хозяин решал его стряхнуть, паразит просто падал в пустоту.

Он дождался смены охраны — в пять утра пришёл новый дежурный, который не обращал внимания на уборщиков, потому что те были для него мебелью. Георгий закончил первую влажную уборку и пошёл в подсобку, чтобы сменить воду. Именно там его настиг Саныч.

Начальник смены ворвался в подсобку без стука. Он был грузным, с красным лицом, и его мясистая шея нависала над воротником форменной рубашки. Он нёс перед собой планшет, на котором что-то светилось, и смотрел на Георгия так, будто увидел таракана.

— Уборщик! — рявкнул Саныч, хотя знал его имя. — Ты почему вчера не записал расход мастики в журнал? У нас аудит! Мне нужна отчётность за каждый грамм!

Георгий замер. Он помнил, что вчера записал всё, как обычно, — в конце смены. Но он также знал, что Саныч мог вырвать страницу из журнала, чтобы создать повод. Он не стал спорить.

— Извините, Виктор Саныч, я исправлю.

— Исправишь? — Саныч приблизился, нависая над ним. Его запах — смесь одеколона и перегара — ударил в нос. — Ты знаешь, что из-за твоей халатности я получил выговор? Мне звонят из Москвы и говорят, что наш отдел — самый грязный по показателям. Я смотрю на тебя и вижу причину. Ты дышишь слишком глубоко, ты сбиваешь ламинарный поток воздуха, от этого процессоры нагреваются сильнее. Это стоит компании денег.

Георгий знал, что это абсурд. Ламинарный поток в зале обеспечивался промышленными вентиляторами, и дыхание одного человека не могло его изменить. Но он молчал.

Саныч ткнул пальцем ему в грудь. — С завтрашнего дня здесь будет робот. Я подписал контракт с фирмой из Китая. Они поставят автоматическую систему, которая будет мыть полы в два раза быстрее и без этих твоих вздохов. Так что сегодня — твой последний день. Получи расчёт у кассира, сдай ключ-карту и вали.

Георгий почувствовал, как кровь прилила к лицу, но не от гнева — от страха. Холодный пот выступил на спине. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но слова застряли в горле. Он посмотрел на Саныча и вдруг заметил, что у того из кармана брюк торчит уголок чёрного пластика — флешка. Обычная, невзрачная, но на корпусе, если присмотреться, была выцарапана какая-то последовательность цифр. Георгий, будучи математиком, мгновенно идентифицировал её как начало ряда Фибоначчи, но с разрывами — 1, 1, 2, 3, 5, 8, потом пропуск, потом 21. Это было странно. Так не пишут. Так оставляют шифр.

Саныч развернулся и пошёл к выходу из подсобки. На пороге его телефон зазвонил — резко, навязчиво. Он чертыхнулся, полез в карман за ключами, чтобы достать машину, и в этот момент, вытаскивая связку, зацепил флешку. Она соскользнула с края кармана и упала в узкую щель между стеной и старым ящиком с инструментами, куда Георгий никогда не заглядывал. Саныч, уже разговаривая по телефону, вышел, не обернувшись. Он даже не заметил потери.

Георгий застыл. Он видел, как флешка упала. Он подождал, пока шаги затихнут в коридоре, затем подошёл к ящику, наклонился и, затаив дыхание, достал её. Она была тёплой от

тепла его тела, хотя пролежала на бетонном полу всего несколько секунд. Чёрный пластик, царапины, гравировка. Он провёл пальцем по числам — 1, 1, 2, 3, 5, 8, 21. Что-то в этой последовательности было неправильным. Он знал, что это не просто случайность.

«Не тронь, это его, найдут — убьют», — пронеслось в голове. Но другая мысль, более тихая и холодная, сказала: «Он только что уволил тебя. Ты уходишь в никуда. Что ты теряешь?»

Он спрятал флешку в карман комбинезона и почувствовал, как его сердце забилося быстрее. Он не знал, что это за носитель, но интуиция подсказывала, что это нечто большее, чем просто отчёт. Он вспомнил рассказы Фёдора о «чёрных флешках» — якобы на них записаны алгоритмы предсказания рынка. Но Георгий знал, что рынок нельзя предсказать, это математическая аксиома. Однако если бы существовал способ менять вероятности... Он гнал эту мысль прочь, но она возвращалась.

Остаток смены он дорабатывал как в тумане. Его руки двигались автоматически, но мозг лихорадочно перебирал варианты. Когда в восемь утра он сдал ключ-карту кассирше, получил расчёт — смешную сумму, — и вышел на улицу, он уже знал, что его жизнь изменилась. Мартовский воздух ударил в лицо влажным холодом. Он посмотрел на серый куб дата-центра, похожий на мавзолей, и подумал, что, возможно, это последний раз, когда он видит его снаружи.

Он побрёл по улице, не зная куда. Город просыпался. Георгий зашёл в круглосуточную забегаловку, заказал суп-пюре и сел у окна. В кармане лежала флешка. Он достал её, повертел в руках. На одном из торцов был едва заметный разъём USB-C. Внутри — может быть, пустота, а может, его единственный шанс.

Он принял решение. Вернуться в дата-центр через чёрный вход, который знал только он, проскользнуть в служебное помещение со старым ноутбуком, забытым техником. Вставить флешку. Нарушить все правила. Он уже был уволен. Что ему терять?

Он так и сделал. Ноутбук загрузился медленно, с писком. Система определила носитель как «Защищённый том». Единственный файл — «readme.txt». Георгий открыл его. Там была одна строка:

«Если ты это читаешь, ты уже мёртв. Начни сначала».

Он усмехнулся. Глупая шутка. Но через три секунды экран моргнул, и файл исчез. Вместо него появился новый — «calc.exe». Это был не обычный калькулятор, а программа с чёрным фоном и зелёным текстом, как в старых терминалах. Вверху мигала строка ввода. Георгий инстинктивно напечатал: «1+1». Калькулятор ответил не «2», а «Вероятность: 0.9999». Георгий нахмурился. Он ввёл: «Вероятность того, что я умру сегодня», — ответ: «0.0023». Он поёжился. Затем он набрал: «Вероятность того, что я стану директором этого дата-центра», — калькулятор показал: «0.0000001».

Но под ответом появилась строка: «Изменить вероятность? Да/Нет». Сердце забилося быстрее. Георгий нажал «Да». Открылось окно с надписью: «Цена: воспоминание о матери». Он замер. Мать — это единственное тёплое, что у него осталось. Она умерла, когда ему было одиннадцать, и он помнил её руки, её запах ванили, её улыбку. Но холодный голос внутри сказал: «Ты уже ничего не чувствуешь, ты просто цепляешься за картинку. Отдай её, и ты сможешь изменить свою жизнь».

Он зажмурился и нажал «Принять». Экран погас, флешка стала горячей, чуть не обжигая пальцы, и выпала из порта. Георгий почувствовал резкую пустоту в груди — как будто кто-то вырвал часть его души. Он попытался вспомнить лицо матери, но вместо лица увидел только нечёткое пятно. Имени тоже не осталось — только слово «мама», лишённое содержания. Он заплакал, но слёзы были сухими, как песок.

В этот момент в кармане зазвонил телефон — тот самый, который он получил при найме, и который он не отдал, потому что его не потребовали. На экране высветился номер секретаря гендиректора. Георгий дрожащей рукой принял звонок.

— Георгий? — раздался женский голос. — Это Марина, приёмная. Мне только что сообщили, что Виктор Саныч сломал ногу, выходя из здания, и его госпитализировали. На время его отсутствия мы ищем человека на должность старшего оператора по работе с документами. Система автоматически рекомендовала вас как сотрудника с самым низким уровнем стресса. Вы согласны?

Георгий молчал. Только что он потерял лицо матери, а теперь ему предлагают работу. Он понял, что это не совпадение. Это калькулятор сработал.

— Согласен, — выдавил он и положил трубку.

Он вышел из дата-центра через ту же чёрную дверь, сел на ступеньки и посмотрел на небо — грязное, мартовское, с разрывами облаков. Он больше не был уборщиком. Но он больше не был и просто человеком. Он стал кем-то, кто торгует воспоминаниями за вероятности. И цена, которую он заплатил, оказалась выше, чем он предполагал. Он закурил последнюю сигарету и подумал: «Предел текучести — это когда твёрдое тело начинает течь. Я только что перетёк. Вопрос — что из этого выльется?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.